

РАДИ ТЕБЯ

книга первая
Андрей Арктический

18+

Ради тебя

Андрей Арктический
Ради тебя. Книга первая

«Автор»

2026

Арктический А.

Ради тебя. Книга первая / А. Арктический — «Автор»,
2026 — (Ради тебя)

Это история не только о войне. Это история о выборе, жертвенности и силе любви, способной бросить вызов даже судьбе. Капитан Сергей Воронин, пройдя через горнило современных боевых действий, оказывается перед сверхъестественным выбором, от которого зависят две жизни. Что выберешь ты: жизнь возлюбленной или свою судьбу? А что, если выбор — это ещё не конец?

© Арктический А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть 1	6
Глава первая "Три минуты тишины"	6
Глава вторая «В аду»	12
Глава третья «В тылу»	19
Глава четвёртая: «Лидия»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Арктический

Ради тебя. Книга первая

Глава

Есть люди, встреча с которыми меняет всё. Для меня и для этой книги таким человеком стала Вера Парфенова Бартова. Вера, я хочу сказать тебе огромное человеческое и творческое «спасибо». Спасибо за то, что делилась знаниями, обсуждала со мной детали, ловила неточности и верила в силу этой истории даже больше, чем я сам в некоторые моменты. Твоя помощь не была просто «технической» – она была вдохновляющей. Эта книга – в значительной степени и твоя заслуга.

Отдельное спасибо моей семье за терпение и вдохновение. С любовью и признательностью,

Андрей DJ Арктический

Данное литературное произведение является художественным вымыслом. Автор создавал мир, персонажей и сюжетные линии, руководствуясь творческим замыслом, а не намерением отразить чью-либо реальную жизнь или конкретные события. Несмотря на то, что в книге могут упоминаться реально существующие города, организации или исторические периоды, все происходящее в ней действия и её герои – созданы воображением автора. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или ушедшими, или с реальными событиями следует считать непреднамеренными и случайными.

*«И сожжёшь ты свечу у иконы в углу,
Хоть веришь не в Бога, а в нашу мечту,
Возвращайся героем! И я пополз...
Через трупы врагов...
Через грязь и усыпанный гильзами ров,
За твою любовь.»
«РАДИ ТЕБЯ песнь первая» Андрей DJ*

Часть 1

Глава первая "Три минуты тишины"

Мокрая рубашка, стул. Сергей смотрел на них не моргающим взглядом, сидя на деревянной кровати, наспех сколоченной из досок, оторванных от сарая, что стоял возле дома. И даже ругань Дмитрия, его боевого товарища, на ту похлебку, что приготовил новенький повар из гречки и старой тушенки, не могла отвлечь Сергея от немого созерцания оторванной от рубашки пуговицы, которая закатилась под чей-то порванный ботинок.

Эта пуговица была перламутровой, женской. От чьей-то гражданской блузки, разорванной на перевязки. Она лежала в грязи, отражая тусклый свет единственной коптилки, и казалась Сергею самым бесполезным предметом на этой проклятой земле. Таким же бесполезным, как и он сам в эти долгие часы тишины. Тишины, которая густела в бараке, давила на виски, громче любого обстрела. Все здесь – и он, и Дмитрий, и два десятка других теней у столов – просто ждали. Ждали, когда эта тишина взорвется.

– Легион, эй, Легион! – Дмитрий ткнул ложкой в его сторону, звонко стукнув по жестяной миске. – Ты в ахуе? Похлебку свою доешь, а то остынет совсем. Или тоже будешь ныть, что пахнет тряпьем да грустью?

Сергей медленно перевел взгляд на товарища.

– Не ныть, – глухо ответил он. – Просто думаю.

– Думать тут вредно, – буркнул Дмитрий, но тут же его внимание перехватил тощий, светлый человек в заляпанном фартуке, метавшийся между столами. – А, Михаил! Идешь оправдываться? Говорил я тебе, эта твоя каша – размазня, даже голодный пес обойдет стороной!

Повар Михаил, бывший учитель истории из тихого городка, нервно потер ладонью о фартук.

– Дмитрий, я же объяснял... Паёк скудный, тушенка третьей свежести, простите, не я правила пишу! – Его голос звучал виновато и устало. – Хочу, чтобы сытно было, сил придавало... А получается...

– Получается болото с гречкой, – не унимался Дмитрий, но уже без злобы, скорее с привычной ухмылкой. – Ладно, Миша. Не кипятись. На фронте и не такое съешь. Правда, ребята?

Он обвел взглядом троих молодых солдат, сидевших неподалеку и старательно, почти механически, жевавших ту самую похлебку. Они были свежи, чисто выбриты, и страх в их глазах еще не успел заместиться той привычной, каменной усталостью, что лежала на лицах старожилков. Услышав обращение, они вздрогнули, как один.

– Да... ничего, нормальная каша, – пробормотал один из них, белобрысый и долговязый. Второй, коренастый, только кивнул, избегая взгляда. Третий, с умными, испуганными глазами интеллигента, поперхнулся.

Сергей вздохнул внутренне – «Дети». Им всем было лет по двадцать, не больше. Он отложил свою миску и повернулся к ним, разламывая молчание, которое сам же и нагнетал.

– Фамилии? – спросил он негромко, но так, что было слышно через весь притихший барак. Его голос, низкий и хрипловатый, заставил новичков выпрямиться.

– Егоров! – откликнулся белобрысый.

– Семенов, – сказал коренастый.

– К-Ковалев, – выдавил третий.

– Легион, – представился Сергей, слегка кивнув. – Это – Дмитрий, он громкий, но свой. А повар Михаил – последний здесь святой человек. Кормит, чем может. На войне еда – не для удовольствия. Это топливо. Запомните.

Дмитрий, довольный представлением, подхватил:

– Верно! Съел эту жижу – и будто три батареи в себя заглотил. Сил – хоть горы свороти! Правда, горы потом из тебя же и вылезут, – он невозмутимо пошутил, вызывая сдержанные улыбки у Егорова и Семенова. Ковалев не улыбнулся. Он смотрел на Сергея, словно ища подтверждения чему-то.

– Первый раз на передовой? – уточнил Сергей, глядя прямо на Ковалева.

Тот кивнул, сглотнув.

– Да. Мы... мы все.

– Страшно? – спросил Сергей без тени насмешки.

Молодые солдаты переглянулись.

– Да, – честно сказал Ковалев за всех. – Особенно... особенно когда знаешь, что там, за этой чертой, уже почти год наши сёла. Родные места.

Сергей кивнул, его взгляд стал ещё тяжелее. Он сам был из этих мест, из-под Курска. Помнил, как линия фронта, прорвавшаяся прошлой весной, отрезала пол области. Их нынешняя задача была проста и невыносима: отгрызть обратно, километр за километром, свою же землю.

– И хорошо, что страшно, – сказал он уже чуть иначе. – Значит, есть что назад забрать. Не просто «враг», а своё. Это злость другая. Её и запомните.

Дмитрий перестал ухмыляться. – Кто не боится перед первым боем, тот или дурак, или уже мертвец. Страх – он как этот холод. Чувствуешь его – значит, еще жив. Главное – чтобы он внутрь не прошел. Чтобы руки не дрожали, когда нужно будет стрелять, а ноги слушались, когда нужно будет бежать или ползти.

– А как... не пустить внутрь? – спросил Егоров.

– Думай не о страхе, – сказал Сергей, и его взгляд снова стал отсутствующим, будто он смотрел сквозь стены барака. – Думай о простом. О том, чтобы вдох – выдох. Чтобы патрон в магазине лежал как надо. Чтобы у товарища рядом щель в бронежилете не разошлась. Или... – Он на секунду замолчал, и его пальцы сами потянулись к нагрудному карману. – Или вспомни что-то свое. Очень свое. Окно. Чайник. Собаку. Человека. За которого идешь. Это твой щит. Крепче любой стали.

В бараке снова воцарилась тишина, но теперь уже другого качества – не гнетущая, а сосредоточенная. Даже Михаил замер, слушая. Дмитрий одобрительно хмыкнул.

Сергей замолчал. Пальцы на кармане ощутили не просто бумагу. Они вспомнили прикосновение к ее волосам в тот последний вечер, когда мир ещё держался на двух простых вещах – ее дыхании и тиканьи настенных часов.

Тот вечер пахнул воском и яблоками. Настя зажгла толстую ароматическую свечу.

– Для уюта, – сказала она, в ее глазах стояло понимание, что уют сейчас нужен как воздух. Сама она сидела в глубоком кресле, клубок овечьей шерсти и спицы в ее руках двигались с гипнотической, почти машинальной быстротой. Она вязала тот самый шарф, длинный, бесконечный, как сама тревога.

Сергей сидел напротив, измятую повестку уже не читал – он выучил ее наизусть, каждую казенную строчку. Он смотрел на Настю. На блики огня от свечи в ее волосах, на тень ресниц на щеках. На зеленые глаза, которые сейчас были прикованы к петлям, будто в них был зашифрован код спасения.

– Полку так и не починил, – вдруг сказала она, не поднимая взгляда. Голос у нее был ровный, бытовой.

– Знаю, – отозвался Сергей. – Ручку от дрели потерял. Кажется, Валет её под диван закатил.

– Он не котлету тогда украл, он ручку украл, – уголок ее рта дрогнул. – А котлету потом, для отвода глаз.

– Хитрый у нас пес, – Сергей кивнул. – Надо будет его дрессировать. Воровать у врага патроны.

– Только чтобы возвращался, – тихо сказала она, и спицы замолчали на секунду.

Тиканье часов заполнило паузу. Где-то на кухне, как по волшебству, зашипел чайник, набирая голос – тот самый, пронзительный, домашний свист, который всегда означал: пауза, перерыв, маленькое счастье. Настя отложила вязание, встала. Проходя мимо, она коснулась пальцами его виска – легкое, быстрое прикосновение, будто проверяя, настоящий ли он. Он поймал ее руку, прижал к щеке. Ладонь пахла шерстью и ее духами – полевыми травами, никак не воском и порохом.

– Дурацкая эта война, – прошептала она уже серьезно, глядя куда-то мимо него, в стену. – В совершенно дурацкое время пришла. И откуда... из-за какой границы?

– Границы-то стираются, Насть, – тихо ответил он, глядя на пламя свечи. – Теперь она не там, где раньше. Она уже под Курском, слышала же по радио. Почти у самого дома. Вот и пришло время эту линию назад, на запад, двигать.

Её лицо вдруг исказилось, и она, вырвав руку, быстро вышла на кухню, хлопнув дверцей шкафчика. Он знал: она не плакала. Она просто на мгновение сломалась, и теперь ставила себя на место, винтик к винтику. Когда она вернулась с двумя чашками чая, ее лицо было спокойным, почти невозмутимым. Только глаза были ярче, словно вымытые дождем.

– На, выпей, – сказала она, ставя чашку перед ним. – Пока горячий.

Они пили чай. Говорили о соседке-сплетнице, о надоевшем сериале, о том, куда поедут отдыхать, «когда всё это закончится». Строили воздушные замки из слов, зная, что наутро их сдует ветром с перрона. Было молчаливое соглашение: не рыдать, не причитать, не делать из этого великой трагедии в стиле плохого кино. Их трагедия была тихой, бытовой, и поэтому – абсолютно настоящей.

Позже, ночью, он не спал. Лежал на спине и слушал. Ее ровное, глубокое дыхание рядом. Тиканье тех же часов. Лай далекой собаки во дворе. Он запоминал. Луч лунного света, пробившийся сквозь щель в шторах, лежал на её обнаженном плече серебристой полоской. Он смотрел, как эта полоска медленно смещается с каждым ее вздохом. Это был его последний снимок мира. Тихий. Хрупкий. Бесконечно дорогой. Его пальцы в кармане сейчас, в вонючем бараке, непроизвольно сжались, пытаясь удержать призрак того лунного света. И не могли.

Внезапный, приглушенный гул снаружи, похожий на удар по огромному барабану, разорвал хрупкую пленку воспоминания. Сергей вздрогнул, отрывая взгляд от пуговицы. Барак, запах плесени и тушенки, лица новобранцев – всё вернулось с резкостью пинка. Лунный свет на плече Насти растворился в копоти. Но щит – тот самый, созданный из тепла чая, звука спиц и тиканья часов – остался. Он стал только тяжелее и острее.

Сергей медленно поднялся с койки.

– Щит готовьте, – сказал он уже совсем другим, металлическим голосом, глядя на Ковалева, Егорова и Семенова. – Пора.

Дмитрий вскочил следом, уже без тени шутки на лице.

– Ну что, Миша, – бросил он повару на прощание, – если живы вернемся – свари нам что-нибудь этакое, праздничное. С не третьей свежести. Михаил только кивнул, не в силах вымолвить слова.

Сергей, Дмитрий и трое молодых солдат двинулись к выходу. Проходя мимо, Сергей наступил на тот самый порванный ботинок. Раздался тихий хруст. Перламутровая пуговица

рассыпалась в прах. Ему это показалось странно символичным. Что-то хрупкое и бесполезное было окончательно раздавлено тяжелой, неумолимой поступью того, что ждало их за дверью.

Дверь барака открылась не в темноту, а в густую, почти осязаемую тьму. Она впитала в себя все звуки, кроме приглушенного шороха сапог по утопанной грязи и далекого, нервного рокота моторов где-то справа. Воздух больше не пах тушенкой и сыростью. Теперь это был холодный, колющий коктейль из сгоревшего металла, пороховой гари и той особой, сладковатой плесени, что стелилась по низинам, где лежали неубранные тела.

Сергей автоматически втянул носом воздух, анализируя направление ветра. Привычка.

– Следуйте за мной и Дмитрием, – тихо, но четко бросил он через плечо трем новичкам. – Не отрываться. Не светить. Даже сигарету. Сейчас уши и глаза у них – по всему фронту.

Они двинулись цепочкой, растворяясь в черной каше предрассветного часа. Тени вокруг уже оживали: вырисовывались угрюмые силуэты бронетехники, большей частью – знакомые отечественные модели, но сейчас бывшие «своими», а теперь – трофейные, с намалёванными крестами и жовто-блакитными нашивками на броне. Война сводила в бою некогда единые заводы и части. Царила лихорадочная, почти беззвучная деятельность. Тишина была обманчивой, натянутой как струна. Вот-вот она должна была лопнуть.

Сергей шел, чувствуя, как к его внутреннему обещанию – «Я вырвусь» – добавляется тяжелый, привычный груз ответственности. За себя. За Дмитрия. Теперь и за этих троих пацанов с еще не закаленными в бою душами. Его собственный щит – образ Насти – горел в груди холодным, но стойким огнем.

Они подошли к краю неглубокого оврага – условной стартовой позиции. Внизу копошились люди. Сергей сделал знак рукой – «приземляться». Один за другим они сползли по скользкому склону. И тут, в момент относительной укрытости, когда нужно было просто ждать команды, это случилось.

Сергей, проверяя затвор, взглянул на небо. Оно было грязно-серым, низким, без единой звезды. Но на самом краю горизонта, там, где чернели остовы сгоревших деревьев, он на миг увидел... проблеск. Не вспышку снаряда. Не отблеск далекого пожара. Это был чистый, белесый ступок света, медленно погасший, будто кто-то на мгновение приоткрыл и закрыл заслонку в другой, слишком яркий мир. Свет был неестественно тихим и не оставлял после себя ни шлейфа, ни дыма.

– Ты это видел? – неожиданно спросил Ковалев, стоявший рядом. Голос его дрожал, но не от страха, а от изумления.

– Что? – переспросил Сергей, не отрывая взгляда от того места, где погасло видение.

– Вон там... Свет. Как будто... молния без грома. Или... -

– Или дальнобойный фонарь, – резко оборвал его Дмитрий, хмуро глядя в ту же сторону.

– Фантазию включать не надо, студент. Тебе еще стрелять, а не на миражи глазеть. Это они подсвечивают себе цели. Всякая хрень в небе бывает.

Ковалев смущенно умолк. Но Сергей знал – это был не фонарь. Не ракета. Слишком чистый свет. Слишком тихий. По спине у него пробежал холодок, не имеющий ничего общего с сыростью оврага. Намек был брошен. Тонкий, как паутина, и такой же неосязаемый.

В эту секунду где-то сзади, из темноты, резко и властно прозвучал негромкий, но слышимый всем голос по рации:

– «Беркутам», «Беркутам»! Готовность номер один! Время «Ч» через три минуты! Повторяю, время «Ч» через три!

Тишина лопнула. Не от грохота, а от этого голоса. От этого отсчета.

Сергей резко выдохнул. Все посторонние мысли, все видения, все воспоминания были сжаты в крошечную, твердую точку и убраны в самый дальний угол сознания. Остался только холодный расчет, знание местности, мышечная память и эта точка – как конечная координата всего маршрута. Домой.

Он посмотрел на новичков. Их лица в предрассветных сумерках казались масками.

– Щиты наизготовку, – повторил он свою метафору, и его голос прозвучал спокойно и почти металлически. – Три минуты тишины. Последние в вашей старой жизни. Дальше – ад огня. Помните: вы ползите не на смерть. Вы ползите сквозь него. Чтобы выйти по ту сторону. Поняли?

Егоров и Семенов кивнули, слишком резко. Ковалев сжал автомат так, что костяшки пальцев побелели, но тоже кивнул. Сергей стиснул приклад автомата. «Щит». Для него это слово навсегда сплелось с другим утром – хмурым, промозглым, с запахом мокрого асфальта и несделанного кофе.

Кофе они так и не успели. Утро раскололось на мелкие, абсурдные задачи... Повестка лежала на комод. В ней не было высоких слов о долге. Были сухие строки о «защите территориальной целостности» и «контрнаступлении на курском направлении». Из кухни доносился шипящий голос радио: «...после внезапного прорыва украинских группировок в глубь области...». Настя резко выключила его. Не надо было напоминать, насколько далеко и быстро пришла война. Из-за стены доносились приглушенные рыдания соседки – ее сына забрали на тот же, курский, участок фронта двумя днями ранее. Этот плач был единственным правильным, человеческим звуком в этой выхолощенной суеде. Настя молчала.

Она передвигалась по квартире как тень, точная и беззвучная. Ее лицо было странно гладким, будто все мускулы, отвечающие за эмоции, отключились, чтобы система не рухнула. Только глаза, эти зеленые озера, казались невыносимо глубокими и темными, как колодцы, куда ушла вся жизнь. Она брала его вещи, внимательно разглядывала, будто видя их впервые, и с пугающей аккуратностью укладывала в армейский рюкзак. Складывала носки. Свернула бритву в полотенце. Положила пачку его любимых сигарет, хотя он бросил год назад. Каждое движение было обдуманым ритуалом прощания с частью их общей жизни.

– Наст... – начал он.

– Молчи, – отрезала она тихо, не глядя. – Просто молчи.

Они ехали в военкомат в переполненной маршрутке. Народ вокруг вел себя по-разному: кто-то громко бахвалился, кто-то пялился в окно, кто-то, как Сергей, смотрел в одну точку, сжимая ручку сумки. Он держал ее руку. Она не отнимала, но и не сжимала в ответ. Ее ладонь была холодной и неподвижной, как у манекена.

У серого, обшарпанного здания военкомата уже клубилась толпа. Женщины, дети, мужики с сумками. Гул голосов, команды, плач. Здесь пахло пылью, потом и страхом. Их последние минуты растворились в этой толчее. Не было торжественных речей. Не было долгих взглядов. Всё случилось внезапно и буднично. Его имя крикнули из дверей. Пора.

Он развернулся к ней. И тут она сломалась. Не в истерику. Ее окаменелость треснула, и из трещины хлынула такая голая, незащитная боль, что у него сердце в груди перевернулось. Она шагнула вперед, не обняла, а приникла лбом к его груди, в область под ключицей, будто пыталась спрятаться, вернуться внутрь, под защиту.

Её голос донесся глухо, сквозь ткань куртки, теплым влажным пятном:

– Не героим. Просто... просто вернись. Целиком. Слышишь?

Он хотел что-то сказать, но в горле стоял ком. Он только кивнул, прижав подбородок к ее макушке, вдыхая запах ее шампуня в последний раз.

Потом она отстранилась. Резко, словно отскакивая от раскаленного металла. И он увидел это. Ту самую боль в ее глазах, живую, пульсирующую, от которой он поклялся извлечь её взгляд любой ценой, даже ценой собственной крови. Эта боль была теперь его компасом, его приговором и его долгом.

– Иди, – выдохнула она, и ее губы дрогнули, пытаясь сложиться в подобие улыбки. Получилась гримаса.

Он повернулся и пошел к дверям, не оглядываясь. Оглянуться – значит сломаться. Автобус, такой же серый, как небо, ждал с работающим двигателем. Он вошел внутрь, набитый такими же, как он, молчаливыми мужчинами. Уселся у окна.

И только тогда, когда автобус тронулся, он позволил себе взглянуть. Она стояла там, где он ее оставил. Небольшая, стройная фигурка в легкой куртке, с руками, бессильно опущенными по швам. Ее светлые волосы колыхал ветер. Он смотрел, как она уменьшается, превращается в куклу, в точку, в ничто. Автобус сделал поворот, и её больше не стало. Остался только мокрый асфальт, грязные стены домов и чувство, будто с твоей жизни резко, без предупреждения, выключили звук и цвет.

С этого момента и начался отсчет. Отсчет до этой грязи, этого оврага и этого гула, который вот-вот должен был разорвать мир на части. Сергей повернулся лицом к тому месту, откуда должен был начаться бой. Туда, где лежала тьма, густая и зловещая. Он почувствовал, как по телу разливается знакомое онемение, сменяющееся липким жаром. Не страх. Ярость. Тихая, сконцентрированная ярость человека, которого лишили покоя, дома, тепла и который теперь пришел, чтобы забрать свою цену.

Гул в наушниках оборвался. Вместо него прозвучала новая, резкая команда, вырвавшая его из прошлого с силой гранатного взрыва:

– «Беркутам»! В атаку! Вперед!

Три минуты тишины истекли. Щит из воспоминаний, любви и боли был поднят. Теперь им предстояло пробивать стену ада.

Где-то совсем близко, нарушая все мысли, щелкнул предохранитель. Потом еще один. Механизмы войны пришли в движение.

– ПОШЛИ! – прохрипел Сергей, уже не Легион, а просто человек, заряженный одной-единственной мыслью: вернуться и залечить эту боль в ее глазах. Он первым рванулся вперед, навстречу воющему свинцу, утаскивая за собой в пекло и новичков, и свою ярость, и образ зеленых глаз, полных слез, которых он так и не увидел.

Началось.

Глава вторая «В аду»

Началось.

Слово – и мир взорвался. Не плавно, а разом, будто чья-то рука рванула небо за край и обрушила вниз весь адский литейный цех. Звук. Это был не просто грохот. Это был рёв, раздираемый на слои: сухой, лающий треск своих автоматов над ухом, тяжёлые, глухие удары мин, приземляющихся где-то сзади, и пронзительный, воющий свист пуль, которые не летели, а ввинчивались в воздух, в землю, в плоть.

Свет. Темнота разорвалась в клочья ядовитыми вспышками. Короткие, ослепляющие огоньки выстрелов впереди. Долгие, багровые отсветы разрывов, на миг выхватывающие из тьмы искореженный железный остов, фигуру застывшего в беге человека, брызги грязи.

Запах. Резкий, едкий порох. Горячая, разрытая земля. И поднимающаяся сквозь них, сладковато-приторная, тошнотворная нота – запах крови и смерти, ещё невидимой, но уже витающей над полем.

Сергей не бежал. Его тело, сжатое в тугую пружину, выстрелило вперёд само, увлекая за собой остальных. Ноги сами искали кочки, вмятины, любое понижение рельефа. Мозг отключился. Работали спинной мозг и опыт, вбитый в мышечную память месяцами такой же мясорубки.

– Не кучно! Интервал! – его собственный голос прорвался сквозь рёв, хриплый и чужой.
– За мной! К переправе!

«Переправой» он мысленно назвал развалины сарая в двухстах метрах – первую точку, где можно было перевести дух.

Он падал за кочкой, давал короткую, слепую очередь в сторону вспышек, поднимался и снова рвал тело вперёд. Краем зрения видел, как мечутся тени новичков. Дмитрий, прикрывавший левый фланг, двигался увереннее, его фигура, низкая и широкая, мелькала в дыму.

И тут раздался не крик, а тонкий, надрывный вскрик, больше похожий на визг. Сергей обернулся. Семёнов, коренастый парень, замер на одном месте, смотря на свою левую руку, которая неестественно повисла, а из разорванного рукава уже сочилась и капала на снег тёмная, почти чёрная в этом свете жидкость. Лицо его было белым, глаза – круглыми от непонимания.

– Ранен! – заорал Егоров, пытаясь остановиться.

– Не останавливайся! – рявкнул Сергей, уже ползком добираясь до Семёнова. – Дмитрий! Прикрой!

Дмитрий ответил длинной очередью куда-то в темноту.

Сергей дотянулся до Семёнова, с силой швырнул его в неглубокую промоину и плюхнулся рядом. Пули защелкали по краю их укрытия.

– Где? – коротко спросил Сергей, уже роясь в разгрузке, пальцы на ощупь находили индивидуальный перевязочный пакет.

– Р-рука... – Семёнов заикался, его трясло. Он смотрел на разорванный рукав и тёмное, липкое пятно, расплзающееся по ткани, с немым ужасом. – Как огнём обожгло...

Сергей, не теряя ни секунды, крепким рывком разорвал ткань выше локтя. Ранение было рваным, неглубоким – осколок или рикошет. Кость цела, пуля или крупный осколок прошли навылет. Артерия, к счастью, не задета, но кровь сочилась густо, смешиваясь с грязью.

– Везёт, новичок, – сквозь зубы процедил он, туго закручивая жгут. Семёнов вскрикнул от новой боли, но затем стиснул зубы. – Не смертельно. Но сегодня ты отвоевался.

Он быстрыми, точными движениями наложил плотную давящую повязку из пакета, зафиксировал её. Лицо Семёнова было землистым, капельки холодного пота стекали по вискам. Шок. Но сознание ясное – это главное.

– Слушай сюда, – Сергей пригнул его голову ниже, когда новая очередь прошла над ними.
– Сиди тут, не шевелись. Как только мы отползём и огонь сместится за нами – ползи назад, к нашим. Кричи «Санитара!». Понял? Держись за рану. Не смотри на неё. Сам справишься?

Семёнов кивнул, с трудом глотая воздух. В его глазах был не только животный страх, но и жгучий стыд. Первая кровь. Его собственная. Теперь он навсегда будет знать её запах – медный, сладковатый, навязчивый. Это был жестокий, но необходимый рубеж.

– Прости... – прохрипел парень.

– Молчи. Экономь силы, – отрезал Сергей. Выполнив долг, он вернулся в состояние солдата. Его задача – выполнить приказ, а не нянчиться с ранеными, способными двигаться сами.
– Дмитрий! Ковалев! Вперёд, к развалинам! На три... Два...

Он встретился взглядом с Семёновым, кивнул ему – коротко, по-деловому – и рванул с места, давая длинную очередь в сторону ближайших вспышек, чтобы подавить огонь хоть на секунду. Дмитрий и Ковалев, как по пружине, сорвались вслед за ним. Они, низко пригнувшись, преодолели последние метры до спасительных развалин сарая, оставляя Семёнова в относительной безопасности промоины.

Тишина за кирпичной стеной была обманчивой. Она звенела в ушах, настоящая на гуле боя, доносившегося со всех сторон. Здесь, в развалинах сарая, пахло старым пожаром, пылью и теперь ещё – потом и пороховой гарью, вьёвшейся в их одежду.

Сергей быстро оценил обстановку. Поле осталось позади. Впереди – первые дома, точнее, то, что от них осталось. Пулемёт бил оттуда методично, длинными, исследующими очередями, прочёсывая подступы. Улица, которую предстояло пересечь, была убийственно открытой.

– Видишь? – Сергей ткнул пальцем в сторону двухэтажного здания с выбитыми окнами, откуда, судя по трассерам, и вёл огонь пулемётчик. – «Гвоздь». Пока он там, дальше не продвинемся. Дмитрий, с Егоровым – дымовые на ту сторону, в район вон той разбитой водонапорки. Отвлекаем внимание. Не лезьте на рожон, просто шумите.

Дмитрий кивнул, уже доставая из подсумка длинную, цилиндрическую гранату.

– Понял. Маним козла. А вы?

– Мы, – Сергей посмотрел на Ковалева, – пойдём справа, через огороды. Попробуем подобраться поближе. Засекай: через пять минут после первых выстрелов с вашей стороны начинаем движение.

– А если... – начал Егоров, но Дмитрий хлопнул его по каске.

– Если, – значит, молился плохо. Пошли, герой.

Они, согнувшись, побежали вдоль стены, растворяясь в сумерках и дыму. Сергей обернулся к Ковалеву. Парень по-прежнему был бледен, но дрожь в руках, казалось, утихла. В его взгляде читалась не паника, а лихорадочная концентрация.

– Готов? – спросил Сергей просто.

– Да, – коротко ответил Ковалев. В его голосе прозвучала твёрдость, которой не было полчаса назад. Шок начал переплавляться во что-то иное.

Их путь лежал через хаос прифронтового посёлка. Открытые пространства сменились лабиринтом из обгорелых заборов, покосившихся сараюшек и глубоких воронок, пахнущих сырой глиной и разложением. Они двигались перебежками, от укрытия к укрытию. Опасность теперь была не только спереди, но и с боков, и сверху. Каждый тёмный проём в стене, каждое окно без стёкол могло скрывать снайпера или наблюдателя.

Именно из такого окна второго этажа следующего дома и ударила короткая очередь.

Кирпичная крошка посыпалась с забора, за которым они только что укрылись. Сергей прижал Ковалева к земле.

– Сверху! Десять часов! – выдохнул он. – Видишь?

Ковалев, прижавшись щекой к холодной земле, кивнул. Его глаза сузились. Он снял с пояса гранату, внимательно посмотрел на дом, оценивая расстояние, угол.

– Дай прикрытие. Три очереди. После третьей – я, – сказал он тихо и так уверенно, что Сергей, не раздумывая, принял план.

Он высунулся из-за укрытия, выдал короткую очередь в сторону окна. Ответный огонь заставил его пригнуться. Вторая очередь. Третья... В тот момент, когда вражеский стрелок должен был поднять голову для ответа, Ковалев резко встал в полный рост, словно пружина, долго сжатая в темноте, разжалась. Он не просто бросил гранату. Он метнул её, с чётким расчётом, под углом, чтобы та влетела прямо в оконный проём.

Раздался глухой, сдавленный взрыв внутри помещения. Осколки стекла и штукатурки вылетели на улицу. Огонь из окна прекратился.

Ковалев снова упал в грязь рядом с Сергеем, тяжело дыша. На его лице, впервые за этот день, мелькнуло нечто, отдалённо напоминающее удовлетворение.

– Физик, блин, – хрипло усмехнулся Сергей, похлопывая его по плечу. – Молодец. Двигаемся дальше.

Именно тогда они услышали новый звук, пробивавшийся сквозь отдалённую канонаду. Не крик, не выстрел. А плач. Тонкий, детский, полный безотчётного ужаса.

Он доносился из-под земли, справа от тропы, из-под груды развалин, которая когда-то была чьим-то домом. Между бетонными плитами зиял чёрный провал – вход в погреб.

Сергей замер, сжимая автомат. Тактика кричала: Ловушка. Стандартный приём. Заманивают и бьют из укрытия. Инстинкт выживания приказывал бежать мимо. Но этот плач... Он буравил мозг, взывая не к солдату, а к тому человеку, который ещё не до конца умер внутри.

Он подполз ближе к провалу. Ковалев прикрывал его, ствол автомата метался между соседними руинами.

– Не высовывайся! – крикнул Сергей в чёрную пасть подвала. Плач на мгновение стих, сменившись всхлипами. – Кто там?

Из темноты, в щели между плитами, блеснула пара огромных, полных слёз глаз. Детские глаза.

– Мама... – прошептал тоненький голосок.

В Сергее что-то дрогнуло и сжалось в тугую, болезненный узел. Гнев, холодный и бездонный, поднялся из самой глубины. Он воевал не просто за Настю, не просто за абстрактную «родину». Он воевал за то, чтобы у этого ребёнка, забившегося в вонючий погреб, снова была мама. Чтобы его зелёные глаза не смотрели на мир с таким ужасом. Щит в его груди треснул, и сквозь трещину хлынула не только любовь, но и ярость. Ярость созидаящая, та, что стремится не просто убить врага, а защитить то, что осталось человеческого.

– Лежи тихо! – снова крикнул он, уже мягче. – Не вылезай! Скоро свои придут!

Он не мог сделать больше. Не мог спуститься, не мог забрать. Война. Он отполз от провала, встретившись взглядом с Ковалевым. В глазах молодого солдата он прочитал то же самое – смесь боли, бессилия и той самой новой, страшной решимости.

– Всё? – спросил Ковалев.

– Всё, – отрезал Сергей. – Наш приоритет – тот пулемёт. Пока он работает, сюда и санитары не пробьются. Пошли.

Они поползли дальше, оставив за спиной тихий плач в темноте. Но этот звук теперь навсегда стал частью их внутреннего пейзажа, ещё одним призраком, который будет преследовать их в тишине. Где-то впереди, со стороны водонапорки, раздались первые выстрелы Дмитрия и Егорова. Отвлекающая атака началась. Огонь основного пулемёта дрогнул, на мгновение сместившись в сторону шума.

– Наш выход, – сказал Сергей. И они, два солдата, заряженные теперь не только долгом, но и новой, жгучей ненавистью, рванули к последнему рубежу – к тому самому двухэтажному зданию, из которого лилась смерть.

Их путь лежал через узкий переулок, заваленный обломками кирпича и мебелью. Пулемётчик, увлечённый перестрелкой с Дмитрием, заметил их слишком поздно. Когда ствол начал разворачиваться в их сторону, они уже нырнули в подворотню соседнего с целью дома. Теперь они были в мёртвой зоне, под самыми стенами. Сергей, прислонившись к холодной штукатурке, жестом приказал Ковалеву замолчать и прислушался. Сверху, этажом выше, слышались грубые голоса, скрежет затвора, шаги. В здании был не один пулемётчик.

– План простой, – прошептал он, едва шевеля губами. – Ты остаёшься тут, у этого окна. Как только услышишь мою гранату внутри – начинай поливать лестницу и коридор на первом этаже длинными очередями. Не дай никому спуститься. Я пройду через подвал, там должен быть лаз в котельную, а из неё – в их тыл.

Ковалев кивнул, его пальцы белели на рукояти автомата. Он понимал. Он был ключом, заслонкой. Если он прозевает, Сергея отрежут и раздавят в тесноте подвала. Сергей, не теряя больше ни секунды, открыл покорёженную дверь в подпол и скрылся в темноте, пахнувшей сыростью и мышами. Ковалев остался один. Шум боя снаружи был приглушён стенами, зато звуки изнутри дома обрели пугающую чёткость: топот сапог над головой, отрывистые команды на чужом языке, звук перекосившегося от жары пулемётного ствола. Он прижался к стене у разбитого окна, ствол направлен в тёмный проём коридора. Его мир сузился до этого коридора. Сердце колотилось так, что, казалось, вырвется из груди, но руки были сильны. Он вспомнил слова Сергея о «щите». Вместо абстрактного образа перед ним встало лицо матери, склонившееся над книгой вечером, и та девочка с огромными глазами из погреба. Его щит состоял из тишины библиотек и будущего, которое он должен был защитить. Он был готов.

Внезапно сверху, прямо над ним, раздался оглушительный взрыв. Здание содрогнулось, с потолка посыпалась штукатурка. Голоса сменились криками. Сергей вышел на связь. И тут из темноты коридора на первом этаже, прямо навстречу Ковалеву, выскочила фигура. Молодой, испуганный вражеский солдат, вероятно, спускавшийся с верхнего этажа, чтобы понять, что происходит. Их глаза встретились на долю секунды – в обоих читался один и тот же животный ужас и решимость. Ковалев, как и учили, уже нажимал на спуск, но враг был быстрее. Не выстрелом. Действием.

Парень, видя ствол, направленный на него, с отчаянным воплем бросился вперёд, не стреляя, а пытаясь сбить Ковалева с ног. Они с грохотом сцепились, упали на пол, автоматыбрякнули по сторонам. В тесной темноте коридора завязалась слепая, жестокая драка. Ковалев, худощавый интеллигент, боролся с яростью загнанного зверя, пытаясь достать нож. Враг, сильнее физически, душил его, бил головой о бетонный пол.

Раздался хлопок. Негромкий, приглушённый телами. Борьба прекратилась.

Вражеский солдат обмяк и затих, тёплая тяжесть, растекаясь по Ковалеву. Тот оттолкнул тело, с трудом поднялся на колени. В полумраке он увидел, что в его руке зажат трофейный пистолет, дымящийся у дула. Выстрел был инстинктивным, на ощупь, в упор. Он не помнил, как выхватил его. Ковалёв попытался встать, но вдруг почувствовал странную, обжигающую слабость в животе. Посмотрел вниз. На его гимнастёрке, чуть ниже грудной клетки, расплзлось тёмное, мокрое пятно. Он даже не почувствовал того выстрела в суматохе. Пистолет в руке врага тоже стрелял.

Он отполз к стене, оставляя за собой кровавый след. Боль накрыла его волной – тупой, всепоглощающей. Не крика, а тихого изумления. Он прислонился к стене и посмотрел в разбитое окно, за которым клубился дым сражения. И в этот миг он увидел нечто странное. Сквозь копоть и пелену, над крышей соседнего дома, медленно, вопреки всем законам физики, проплыла белоснежная птица. Голубь. Или чайка. Совершенно чистая, будто её перья отталкивали всю грязь мира. Она сделала один круг, посмотрела в его сторону, и исчезла в дыму.

«Красиво...» – подумал Ковалев. И боль отступила, сменившись лёгкостью.

Именно в этот момент Сергей, услышавший выстрелы, выскочил из проема котельной, сметая на пути ошеломлённого пулемётчика. Он увидел сцену: убитый враг, и Ковалев, сидящий у стены с удивлённым, почти умиротворённым лицом, глядящим в пустое небо, и на этом лице – странный, чистый луч света откуда-то сверху.

– Нет! – хрипло крикнул Сергей, подскакивая к нему и падая на колени.

Ковалев медленно перевёл на него взгляд. В его глазах не было страха. Только глубокая, бездонная усталость и что-то ещё... понимание.

– Я... свой щит... нашёл, – с трудом выговорил он, и в уголках его губ дрогнула тень улыбки. – Скажите... маме... что я...

Он не договорил. Взгляд его остекленел, ушёл вглубь, за фиксированную точку где-то за пределами этого ада. Луч света на его лице погас, будто его и не было. Щит разбился.

Сергей застыл на мгновение, сжимая плечо уже бездыханного тела. А потом поднял голову. И в его глазах, в которых минуту назад горела ярость, что-то щёлкнуло. Ярость не исчезла. Она заморозилась. Стала абсолютно холодной, тихой, расчётливой. Он аккуратно положил Ковалева на пол, снял с его разгрузки все оставшиеся гранаты и магазины.

– «Депутат»! – его голос в радиии был металлическим, без интонаций. – «Ковыль» убит. Меняю задачу. Держи их с фронта. Я иду на зачистку. Огонь на подавление не прекращать.

Где-то снаружи, услышав это, Дмитрий что-то крикнул в ответ, но его голос сорвался на мат. И в следующую секунду раздался его собственный сдавленный стон – осколок от близкого разрыва впился в мышцу бедра, будто раскалённый гвоздь. Но даже спотыкаясь от боли, Дмитрий не выпустил автомат продолжая вести бешеный ответный огонь, прикрывая теперь уже не атаку, а месть.

А Сергей исчез в глубине дома. Следующие несколько минут стали кошмаром для тех, кто там оставался. Он не геройствовал. Он работал. Как мясник, как хирург смерти. Граната в дверь. Короткая очередь в темноту. Перемещение. Ещё граната. Он не кричал, не звал. Он методично, холодно, с пугающей эффективностью уничтожал всё живое в здании, двигаясь на звук. Его «щит» теперь был не защитой, а оружием. Каждый выстрел был клятвой, каждый взрыв – обещанием Ковалеву и тем детям в погребу.

Когда здание окончательно затихло, и только треск пожаров нарушал тишину, он вышел на крыльцо, покрытый чужой кровью и копотью. Пулемёт молчал. Посёлок был взят. Санитары уже подбирали раненых, уносили хрипящего от боли Дмитрия. Бой был окончен.

Сергей, не чувствуя усталости, медленно спустился по ступеням и сел на подбитую гусеницу бронетранспортёра. Он выжил. Они победили. Он машинально полез в нагрудный карман, к своему щиту, к письму. Вытащил смятый, засаленный листок. На нём, поверх её аккуратного почерка, были теперь бурые, чёткие отпечатки – его пальцы были в крови Ковалева. Он смотрел на строки, но не видел слов. Перед глазами стояло лицо молодого солдата в момент умиротворённой смерти. Звучал его тихий голос: «Я свой щит нашёл».

Вернуться «целиком», как просила Настя, было уже невозможно. Какая-то часть его – та, что ещё верила в возможность простого возвращения, – осталась лежать на полу в том тёмном коридоре. То, что вышло из боя, было другим. Более тяжёлым. Более сломанным. Более опасным.

Сергей сидел на броне, отрешённо наблюдая за тем, как оживает улица после боя. Санитары с носилками, бойцы, строящие временную оборону, чадающие развалины. Его собственные руки медленно, будто против воли, чистили автомат. Механические движения помогали не думать.

И тут движение у того самого погребца привлекло его внимание. Двое бойцов из их же роты, Зайцев и Молчанов, осторожно, почти на цыпочках, подошли к чёрному провалу. Зайцев, коренастый сибиряк с лицом, изрезанным шрамами, неожиданно мягким голосом окликнул:

– Мальцы! Выходите! Свои!

Сперва была тишина. Потом из темноты послышался шорох, сдержанный плач. И показалась маленькая рука, цепляющаяся за край бетонной плиты. Зайцев быстро, но очень аккуратно, подхватил под мышки и вытащил на свет первого ребёнка – девочку лет шести, в грязном платьице, с лицом, испачканным в пыли и слезах. Она тут же вцепилась в его разгрузку, спрятав лицо. За ней вылез мальчик, чуть постарше, с огромными, полными немомо ужаса глазами. Он молча смотрел на солдат, на разруху, и его нижняя губа мелко дрожала.

Сергей почувствовал, как в его окаменевшем от ярости сердце что-то дрогнуло. Слабый, тёплый луч. Живы. Хоть этих отгрохали. Бойцы улыбались, усталыми, но искренними улыбками. Зайцев одной рукой прижимал к себе девочку, другой доставал из кармана смятый шоколадный батончик.

– Вот, держи, орлица. Всё, теперь всё тихо.

И в этот момент, когда казалось, что маленькая драма завершилась если не счастьем, то спасением, из погреба донёлся тихий, но отчётливый голос Молчанова, который, видимо, спустился внутрь:

– Зак... Тут ещё один.

Голос его был странный – плоский, без интонации. Голос, которым констатируют факт, не желая верить в него.

Зайцев быстро передал девочку подбежавшему санитару и сам нырнул в провал. Наступила напряжённая пауза. Даже притихшие дети смотрели на чёрный квадрат входа. Сергею вдруг стало холодно, хотя он не двигался с места.

Через минуту они вышли. Сперва Молчанов, спиной вперёд. Потом Зайцев. Они несли на руках, как на носилках, третьего ребёнка. Мальчика. Лет десяти. Он был необычайно худ, лицо восковое, почти прозрачное. Большие, закрытые глаза с длинными ресницами. На его серой, поношенной кофте, чуть ниже ребер, красовалось небольшое, но роковое тёмное пятно, уже не свежее, а бурое, вьёвшееся в ткань. Одна его рука безвольно свисала, пальцы слегка касались земли.

Они молча положили тело на расчищенный участок асфальта. Молчанов накрыл его лицо своей плащ-палаткой, но не полностью – уголок ткани отогнулся, и луч угасающего солнца упал на половину детского лица, на тонкие, бледные губы.

Вся улица, казалось, замерла на мгновение. Звонящая тишина, нарушаемая только треском пожаров, стала вдруг невыносимой. Девочка, которую держал санитар, тихо всхлипнула и спрятала лицо у него в плече. Мальчик-подросток просто стоял, глядя на тело брата или друга, и по его грязным щекам медленно, одна за другой, потекли чистые, белые слёзы.

Сергей видел, как сжались могучие кулаки Зайцева. Видел, как Молчанов резко отвернулся и, сделав несколько шагов в сторону, с силой пнул пустую консервную банку, которая с жалким лязгом улетела в груды битого кирпича.

А потом его взгляд вернулся к тому, что было под плащ-палаткой. К этой маленькой, хрупкой громаде несправедливости. Ребёнок умер не сегодня. Он умер от ранения, полученного, возможно, ещё вчера, медленно и мучительно, в темноте и холоде погреба, пока его товарищи по несчастью пытались его согреть и не знали, что делать. Умер, так и не дождавшись спасения, которое пришло слишком поздно.

Сергею показалось, что этот мальчик смотрит на него закрытыми глазами. И спрашивает тем же безмолвным вопросом, что и Ковалев. «За что?»

Тёплый луч в его груди погас, сменившись новой волной ледящего, бессильного гнева. Он спас живых. Но не спас этого. Его «щит» оказался недостаточно большим, недостаточно прочным. Война забирала не только его самого и его товарищей. Она выкашивала самое беззащитное, самое светлое, оставляя после себя вот это – тихий укор в лице ребёнка, который никогда больше не откроет глаз.

Он медленно поднялся с брони. Спина болела, в ушах стоял звон. Он свернул окровавленное письмо, сунул обратно в карман, рядом с новой, невидимой глыбой, засевшей глубоко в душе – осколком от разбитого щита товарища и тяжёлым камнем чужой, детской смерти.

Ад только начинался.

Глава третья «В тылу»

Запах. Он был первым, что встречал Настю на пороге госпиталя в шесть утра, и последним, что провожал в одиннадцать вечера. Не один запах, а густой, многослойный букет: резкий, режущий ноздри спирт; сладковато-приторный дух гноя и распада; едкая хлорка, которой тщетно пытались залить всё остальное; и под всем этим – вечный, ввевшийся в стены аромат тушенки, пыли и человеческого пота. К этому нельзя было привыкнуть. Можно было только приглушить восприятие, сделать себя немного менее живой.

Городской госпиталь №107 располагался в здании бывшей школы. Парты вынесли, в кабинетах стояли впритык железные койки. Настя, начинала свой день в перевязочной. Утренний обход – это не просто «как самочувствие». Это ритуал осмотра ран на предмет гангрены, смена пропитавшихся за ночь бинтов, уколы обезболивающего, от которого у солдат туманились глаза, но хотя бы на пару часов отпускала невыносимая боль.

Руки её работали автоматически: быстрые, точные движения ножницами, щипцами, бинтами. Она научилась не видеть лица, а видеть рану. Ожог, осколочное отверстие, культя. Так было легче. Если смотреть в глаза – в эти молодые, старые, полные страдания или уже пустые глаза – можно было сойти с ума.

– Сестренка, легче уж отпилили бы, – хрипел молоденький сержантик, глядя, как она обрабатывает обрубок его ноги. Его звали Алексеем. Ему было девятнадцать.

– Молчи, – говорила Настя, не поднимая взгляда. – Будешь жить. С протезом – но будешь.

– Да кому я такой нужен? – всхлипывал он, отворачиваясь к стене.

Она резко, почти грубо, схватила его за подбородок и повернула лицо к себе. Её собственные глаза, зеленые и бездонно уставшие, горели холодным огнём.

– Ты жив. Это главное. Всё остальное – потом разберёшься. Понял?

Он, покорный, кивнул. Она была для них одновременно матерью, сестрой и строгим судьёй, который не позволял сдаться.

Но самой страшной была тихая смерть на руках. Когда рана, несмотря на все усилия, начинала побеждать. Когда из перевязки начинал исходить тот самый, непередаваемо-тошнотворный запах смерти – сладкий, тяжёлый, непобедимый. Когда глаза бойца, ещё вчера смотревшие с надеждой, становились мутными, а дыхание – прерывистым и клокочущим. Настя сидела тогда рядом, держала за руку, гладила по волосам, шептала что-то бессмысленное и утешительное. И чувствовала, как под её пальцами уходит жизнь. Каждая такая смерть оставляла в ней глубокую, невидимую трещину. Она не плакала. Она просто сжимала зубы и шла мыть руки. Снова и снова, до красноты.

Однажды, в вечернюю смену Насти, когда она как раз несла поднос с пустыми флаконами, увидела, как какой-то капитан, избегая глаз, передал конверт старшей сестре – Валентине Петровне, женщине лет сорока пяти с железной выправкой и сердцем, которое, как все знали, целиком принадлежало её мужу-танкисту.

Валентина взяла конверт. Рука не дрогнула. Она кивнула, развернулась и пошла в свой маленький кабинет-кладовку. Всё было как обычно. И, наверное, поэтому взрыв оказался таким оглушительным. Через минуту из-за двери донесся не крик, а тихий, животный вой, словно умирала не женщина, а загнанная волчица. Потом – грохот падающей мебели. Настя бросила поднос и побежала на звук.

Дверь в кабинет была распахнута. Валентина, обычно такая собранная, стояла у открытого настежь окна на третьем этаже. В руках она сжимала тот самый листок, лицо было искажено таким страданием, что его невозможно было узнать.

– Нет... нет, нет, нет... – повторяла она, тряся головой. – Не может быть...

Потом её взгляд упал на открытое окно, на темноту за ним. В её глазах что-то щёлкнуло. Безумие отчаяния.

– Валентина Петровна! – крикнула Настя, делая шаг вперёд.

Но женщина её не услышала. Она с дикой силой оттолкнулась от подоконника, чтобы броситься вниз. В этот миг в дверь влетел хирург Георгий, высокий, сутулый мужчина с вечно усталым лицом. Он не раздумывал. Длинными шагами преодолел расстояние и, как клешней, сжал Валентину за талию, буквально отрывая её от окна. Она билась в его руках, как бешеная птица в клетке.

– Пусти! Пусти меня, Георгий! Не держи! – голос её сорвался на визг. – Я не хочу жить! Не хочу без него! Не хочу!

– Молчи! – рявкнул хирург, и в его голосе была такая сила, что Валентина на секунду затихла. – Молчи! Ты что, с ума сошла? А дети? Твои двое? Кому ты их оставишь? Сирот в приёмник? Его память в грязь затопчешь таким прыжком?

Валентина зарыдала, беззвучно, сотрясаясь всем телом, беспомощно повиснув в его руках. Вся её железная воля обратилась в прах. Георгий осторожно, как ребёнка, усадил её на пол, прислонил к стене, вынул из её пальцев смятый листок и сунул в карман своего халата.

– Настя, – бросил он через плечо, – принеси ей успокоительного. И проводи домой. До конца смены я за старшую.

Настя кивнула, ещё не в силах вымолвить слово. Она видела смерть каждый день. Но это самоубийственное отчаяние живого человека было страшнее в десятки раз. Оно показывало, какая бездна горя скрыта за стенами этого госпиталя.

Она выполнила поручение Георгия: сделала Валентине укол сильного успокоительного, помогла ей добраться до дома, где две маленькие девочки-близняшки, не понимая, почему мама плачет и не может встать, обнимали её за колени, испуганно перешёптываясь. Возвращаясь в госпиталь по темным, пустынным улицам, Настя чувствовала себя выжатой и пустой. В ушах стоял тот самый тихий вой, а перед глазами – искажённое болью лицо и распахнутое окно в черноту.

Единственным спасением была работа – монотонные, не требующие дум действия. Она сменила халат, вымыла руки до красноты, ощущая, как горячая вода на секунду смывает не только грязь, но и липкий ужас. И, собрав волю в кулак, отправилась в палату для ходячих раздать вечерние лекарства.

Здесь, в этой палате, царила иная атмосфера. Боль была уже приглушённой, на первый план выходили скука, тоска по дому и то странное, нервное веселье, которое возникает у людей, чудом вырвавшихся с того света. Именно здесь, среди тех, кто уже позволял себе думать о «после», и разворачивалась своя, мелодраматичная история. Лейтенант Виктор, раненный в плечо, поправлялся. Он был красив, самоуверен и откровенно скучал. Его внимание уже давно привлекала Настя – не измождённая, как многие санитарки, а сохранившая какую-то внутреннюю силу, строгую, отстранённую красоту и эти зелёные глаза, в которых, как ему казалось, он мог разжечь новый огонь.

Сначала это были комплименты.

– Сестра Настя, вы сегодня выглядите... как луч света в этом царстве тьмы.

Потом «случайные» прикосновения к руке, когда она ставила укол.

– У вас такие тёплые руки. Такие руки должны ласку дарить, а не боль.

Затем разговоры.

– Вы слишком молоды, чтобы хоронить себя здесь. После войны жизнь начнётся. Я, например, вернусь в институт. Архитектура – это искусство созидания. А вы? О чём мечтаете?

– О том, чтобы мой муж вернулся с войны живым, – отрезала Настя, даже не глядя на него.

Но Виктор не унимался. Он видел в её холодности вызов.

Однажды вечером Настя зашла в подсобку за чистыми простынями. Комната была узкой, без окон, освещалась одной лампочкой. Она уже собиралась выйти, как в дверном проёме возник Виктор. Он вошёл, закрыв дверь за спиной.

– Виктор, что вам нужно? Проходу нет, – сказала Настя, пытаясь сохранить спокойствие.

– Мне нужна минута твоего внимания, Настя, – сказал он, опуская фамильярное «сестра». Его голос стал тише, настойчивее. – Ты застряла здесь, в этом кошмаре. Я могу быть тем, кто вытащит тебя. Дай мне шанс.

– Уйди, – прошептала она, чувствуя, как по спине бежит холодок.

Но он сделал шаг вперёд, зажимая её между стеллажом и своим телом. Запах лекарств смешался с его одеколоном и чем-то агрессивно-мужским.

– Не будь дуручкой. Твой муж, где бы он ни был, уже давно... – он не договорил, но смысл был ясен. – А жизнь продолжается.

Он наклонился, пытаясь поцеловать её. Настя резко отвернула голову, его губы коснулись щеки. Она упёрлась руками в его грудь.

– Отстань! Я сказала нет!

– Говоришь «нет», а глаза... – он усмехнулся и попытался снова.

Тогда Настя, собрав все силы, резко толкнула его в грудь. Он отшатнулся, задев полку. Этого мгновения хватило, чтобы она выскользнула из ловушки и выбежала в коридор, задыхаясь от гнева и унижения.

В коридоре, опираясь на костыль, стоял майор Максимов – грузный, суровый мужчина с пронзительными глазами, потерявший ногу под Суджи. Он видел, как Настя вылетела из подсобки, и как следом, поправляя гимнастёрку, вышел Виктор с самодовольной ухмылкой.

Максимов не сказал ни слова. Он отложил костыль в сторону, оперся на косяк и, когда Виктор поравнялся с ним, с размаху ударил его кулаком в лицо. Удар был тяжёлым, точным. Виктор с глухим стоном отлетел к стене, схватившись за нос, из которого хлынула кровь.

– Ты... ты что ты делаешь?! – забормотал он.

– А это я тебе, щенок, урок даю, – прорычал Максимов, подбирая костыль. Его голос был тихим, но таким опасным, что по коридору прошла волна тишины. – Видишь сестру? Это честная женщина. Муж её на фронте кровь проливает. А ты тут, сука, лапы распускаешь? Ещё раз увижу, что к ней пристаёшь – ногу оторву и ею же тебя задушу. Понял?!

Виктор, бледный, с окровавленным лицом, только кивнул, не в силах вымолвить слово. Максимов повернулся к Насте, кивнул ей с безмолвным уважением и, тяжело опираясь на костыль, пошёл прочь.

Настя стояла, всё ещё дрожа. Стыд, гнев, а потом – глубокая, щемящая благодарность. Она кивнула вслед Максиму, хоть он уже не видел, и пошла выполнять свои обязанности, чувствуя, как внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел.

И вот, в один из таких дней, старшая сестра (уже временно исполняющая обязанности после Валентины) молча протянула ей заветный, мятый бумажный конверт. Сердце Насти на мгновение остановилось, а потом заколотилось с такой силой, что в глазах потемнело.

Она не побежала в укромный угол. Просто прислонилась к холодной кафельной стене в коридоре, забитом носилками, и дрожащими пальцами развернула письмо.

Почерк его, такой знакомый, угловатый, торопливый. Словно писал под обстрелом.

«Настя. Жив. Здоров. Отбил одну деревню. Потери есть. Пацан один, умный такой, погиб. Тяжело. О тебе думаю. Ты мой щит. Не тужи. Корми Вальта. Целую. Твой Сергей.»

Она впитывала каждое слово. «Жив. Здоров» – сладкая, горькая ложь, в которую она отчаянно верила. «Потери есть... погиб» – холодная сталь в груди. Он терял людей. Он хоронил «умных пацанов». «Тяжело» – это признание вырвалось, наверное, случайно. Оно было страшнее любого описания боя. И последнее: «Ты мой щит». Раньше он так не говорил. Что за щит? От чего он её, за тысячи километров, делает своим щитом?

Она прижала бумагу к губам, закрыла глаза. Жив. Пока этого достаточно. Она прочитала письмо ещё раз, сложила его вчетверо и спрятала в самый глубокий карман халата, ближе к сердцу. Оно грело весь оставшийся день, как маленькая уголёк в ледяной печи её будней.

Ночью, в своей крошечной каморке на территории госпиталя, её настиг сон. Не отдых, а тревожное, цветное видение, ярче яви.

Она стоит не в госпитале, а в поле. Но не в летнем, а в странном, выжженном. Небо медно-багровое, низкое. Ветер не шелестит травой – его нет. Тишина звенящая, давящая. И вдали, на самом стыке неба и земли, две фигуры.

Одну она узнаёт сразу – по плечам, по посадке головы, по тому, как он стоит, чуть наклонившись вперёд, будто готовясь к броску. Сергей. Но он стоит спиной к ней. И он не один. Рядом с ним, почти вплотную, – женщина. Высокая, в развевающемся платье цвета молока или самого чистого снега. Платье колышется, хотя ветра нет. Длинные волосы, белокурые до белизны, струятся по плечам. Она держит Сергея за руку. Нежно, но твёрдо.

Они не идут. Они смотрят куда-то вдаль, в ту сторону, куда не может видеть Настя. И тогда женщина медленно поворачивает голову. Лица не разглядеть, оно будто в тумане, в сиянии. Но Настя чувствует на себе её взгляд. Не враждебный. Не добрый. Пустой. Холодный, как глубины космоса, и изучающий, как взгляд энтомолога на букашке. И в этом взгляде – абсолютное, вселенское безразличие ко всему, что есть в Насте: её любви, её страхе, её ожидании. Женщина чуть прижимается к Сергею. И он... он не отстраняется. Настя пытается закричать, но звук не рождается. Она пытается бежать, но ноги приросли к земле. Она может только смотреть, как пара фигур на горизонте становится всё более неразличимой, сливаясь с багровым закатом в одно целое – силуэт из двух человек, где она уже лишняя.

Настя проснулась с резким вздохом, как будто вынырнула из ледяной воды. Сердце бешено колотилось, тело покрылось холодной испариной. В комнате было темно и тихо. Только за окном слышался далёкий гудок паровоза – звук другой, тыловой жизни. Она села на кровати, ещё долго вслушиваясь в тишину, пытаясь отогнать леденящее чувство от увиденного. Сон стоял за глазами плотной пеленой, и его призрачная реальность была острее и правдивее этой тёмной каморки. Чтобы не сойти с ума, нужно было хоть как-то выплеснуть эту тяжесть наружу. Механически, почти не глядя, она потянулась к тумбочке, где в самодельном переплете лежал толстый блокнот – подарок Георгия, хирурга. «Пиши, – сказал он тогда, – иначе всё это съест тебя изнутри». Она почти никогда им не пользовалась.

Дрожащими от ночного холода руками она зажгла тусклый свет прикроватного ночника. Пламя заколыхалось, отбросив на стены гигантские, пляшущие тени. Она открыла блокнот на чистой странице. Шершавая бумага, испещрённая водяными знаками, ждала. Карандаш был тупым, но она не стала точить. Пусть будет таким, как есть – грубым, царапающим. Ей нужно было не сочинять, а излить, вырезать из себя этот сон, как вырезают осколок.

Она стала записывать, почти не думая, подчиняясь глухому, навязчивому ритму, что стучал в висках. Слова ложились неровными строчками, рождённые не поэзией, а болью:

«Снова сон не даёт мне покоя.

Знаю, сплю – глаз открыть не могу...

По открытому снежному полю

Я к тебе, задыхаясь, бегу.»

Она остановилась, переводя дух. Кончик карандаша сломался, но она продолжила, с ещё большим нажимом, вдавливая буквы в бумагу, словно пыталась дойти до самой её сути.

«Расцветают кровавые маки,

Лепестками укрыт белый снег.

На снегу ты сидишь в форме «хаки»,

Мой любимый, родной человек.»

«Кровавые маки» ... Откуда это? Наверное, от вчерашних бинтов, от тех ран, что цвели багровыми пятнами на бледной коже. Сон смешал всё воедино – снег и кровь, чистоту и гниение.

«С ним она, что мне душу тревожит,

Улыбаясь победно во сне.

Ранен он, и подняться не может.

Обняла, жадно тянет к себе!»

Она писала «она», не решаясь дать той видению имя. «Белокурая», «женщина в белом» – это звучало бы слишком литературно, не так страшно. А в том сне была именно «она» – безликая, вселенская угроза. И эта «победная улыбка» была самым невыносимым. Победа над кем? Над ней, Настей? Над жизнью?

«Я рванулась к нему, что есть силы:

«Милый мой, ты не верь никому!

Я не дам, чтоб тебя уводила...»

И проснулась – во сне я реву.»

Последнюю строчку она вывела с таким усилием, что бумага порвалась. «Во сне я реву». Но наяву слёз не было. Только сухая, сжимающая горло спазма. Она откинулась на жесткую подушку, глядя на свои каракули при тусклом свете ночника. Это не было стихотворением. Это был крик, застрявший в горле, облечённый в неуклюжий, почти детский ритм. Но в этой неуклюжести была жуткая точность. Здесь было всё: и выжженное поле, превратившееся в снежное, и он, беспомощный, и та, что уводит. И её собственная немощь – этот страшный паралич, когда ноги не слушаются, а голос не звучит.

Настя закрыла блокнот, прижала его к груди, поверх халата, под которым в кармане лежало письмо – её щит. Но что он может противопоставить тому холодному, вселенскому безразличию из сна? Запахи госпиталя, пропитавшие её одежду и волосы, смешивались с призрачным ощущением того выжженного поля. «Ты мой щит», – вспомнились его слова.

«От чего я тебе щитом, Серёжа? – прошептала она в подушку. – И от кого?»

Ответа не было. Было только предрассветное завывание сирены на ближайшем заводе, начинавшем новый трудовой день. И новая смена в аду, который звался госпиталем. И ожидание. Вечное, выматывающее ожидание, в которое теперь вплелся тончайший, ледяной шёлк незнакомого ужаса.

Глава четвёртая: «Лидия»

Боль не была острой. Она была густой, как смола, разлитой под кожей, и тупой, как удары молота о наковальню где-то глубоко в костях. Сергей пришел в себя не от крика, а от его отсутствия. В палатке полевого госпиталя не кричали. Здесь стонали, скрипели зубами, тяжело и прерывисто дышали. Воздух был густым коктейлем из запахов: антисептик, йод, кровь, гной, влажное сукно и подгоревшая каша от полевой кухни за стенкой. Этот запах въедался в одежду, в кожу, в память – запах боли, поставленной на конвейер.

Сергей лежал, уставившись в потолок из грязно-зелёного брезента, где капли конденсата собирались в мутные шарики и падали вниз с тихим, размеренным плюхом. Каждая капля отмеряла секунды его нового, пост-адского существования. Он пытался нащупать внутри себя что-то знакомое – ярость, страх, решимость. Была только пустота. И образ Насти, его «щит», казался сейчас не реальным воспоминанием, а старинной фотографией, выцветшей и поцарапанной, которую достают из дальнего кармана и не могут разглядеть.

– Легион, ты там или уже в раю прописался? – хриплый шёпот донёсся справа.

Сергей медленно, с ощущением, что его череп налит свинцом, повернул голову. На соседней койке, под серым, жёстким одеялом, полусидел Дмитрий – «Депутат». Его нога была заматана в пожелтевшие бинты, на которых расплылось уже бурое пятно засыхающей крови, а правая рука была закинута за голову. Лицо друга было землистого оттенка, с фиолетовыми тенями под глазами, которые делали его похожим на измождённого боксёра после тяжёлого боя. Но в уголках его губ таилась та самая, неизбывная усмешка. Она держалась. Живой.

– Пока ещё в аду декорации меняют, – отозвался Сергей. Его голос прозвучал чужим, простуженным и надтреснутым. – Нога?

– Почесали, – отмахнулся Дмитрий, стараясь сохранить лёгкость тона, но по дрогнувшему углу рта Сергей понял – боль была серьёзной. – Кость, говорят, цела. Сухожилия подлатали. Через неделю, обещают, буду как новенький. Опять тебя спасать. А вот с пацанами... – его усмешка потухла. – Егоров отделался контузией, оглох немного, но отходит. Семёнову осколок – жить будет. А Ковалев...

Он не договорил. Имен в этом месте не называли. Их записывали мелом на доске, потом стирали. Их заносили в списки и вычёркивали одной чертой. В госпитальной тишине их имена звучали громче любого взрыва. Сергей снова закрыл глаза. Перед ним встало лицо Ковалева в последний миг – не мальчишеское, а вдруг повзрослевшее, осмысленное, смотрящее куда-то мимо него, в небо, на свою белую птицу. ««Щит»», —прошептал тот. Свой щит он нашёл. А Сергей свой, кажется, потерял.

Тишина между ними стала плотной, липкой, наполненной невысказанным. Её нарушил не звук, а изменение света. В проём палатки, откинув брезентовую полог, вошла женщина. Она была не похожа на медсестру – форма на ней была поношенной, практичной, без знаков различия, испачканная въевшейся грязью и следами дыма, будто она только что вышла не из санитарной машины, а из горящего дома. За спиной – потрёпанный рюкзак, в руках – не пистолет и не бинты, а профессиональная камера с длинным объективом. Но главное – её лицо. Умное, усталое, с резкими, нервными чертами. А глаза... глаза были слишком внимательными, слишком живыми для этого места всеобщего отупения от боли. Они не скользили, а сканировали, выхватывая детали: сведённые судорогой пальцы раненого на соседней койке, пустой, уставший в потолок взгляд деда-артиллериста, тихие слёзы, которые солдат, отвернувшись к стене, вытирал углом одеяла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.